

УДК 811.512.3

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-67-80

Животные в приметах монгольских народов* **Animals in Superstitious Signs of Mongolic Peoples**

А. Б. Лиджиев (A. Lidzhiev)¹

Е. В. Ванькаева (E. Vankaieva)²

¹ кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. Пушкина, 11). E-mail: juwali@mail.ru

Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Department of Russian Language Studies for International Students and General Humanities, Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: juwali@mail.ru

² ассистент, кафедра русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. Пушкина, 11). E-mail: vankaieva@mail.ru

Assistant Lecturer, Department of Russian Language Studies for International Students and General Humanities, Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: vankaieva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию примет монгольских народов, дается их определение, выделяются основные виды их типологизации. Традиционная народная культура обладает такой важной функцией, как прогностическое действие, которое обычно строится на преднамеренном знании,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-312-00087 «Семантические особенности зоонимов в структуре фразеологизмов монгольских языков как отражение картины мира».

а в некоторых случаях — на интерпретации получаемых извне знаков или явлений, которые требуют толкования. Подобного рода знаки могут быть «добрыми» или «дурными», их интерпретация и толкование зависит от человека и традиционной культуры.

Традиционная народная культура обладает необходимым набором инструментов для истолкования положительных или негативных сигналов и знаков, которые были накоплены и выработаны этносом на протяжении многих тысячелетий.

Цель статьи заключается в исследовании примет монгольских народов, бытующих в малых формах и являющихся отголосками древних архаичных представлений об устройстве мира. В работе рассматриваются приметы, прогностический характер которых связан с животными, птицами, насекомыми и основывается на их поведении, внешнем виде или встрече с ними.

Приметы передают устойчивые формы образного мышления и модели поведения носителей культуры, а в культурологическом аспекте наиболее адекватно и максимально широко охватывают и отображают этнолингвистическую картину мира.

Ключевые слова: приметы, паремии, монголы, калмыки, животные, птицы, насекомые

The article studies the traditional culture of Mongolic peoples, examines superstitions and dream imagery, defines and highlights their main typological patterns. Traditional folk culture performs such an important function as predictive action which is usually based on intentional knowledge and, in some cases, on externally derived signs or phenomena that require interpretation. Such signs may be 'good' or 'bad', and their interpretation depends upon an individual and his / her traditional background.

Traditional folk culture has a set of tools required to interpret positive or negative signals and signs that have been accumulated and developed by the ethnic group throughout millennia.

The article aims to investigate superstitious signs and dream imagery of Mongolic peoples mirrored in minor forms and being echoes of archaic ideas about the world structures. The paper deals with signs and night images prognostically associated with animals, birds, insects, and is based on their behavioral patterns, appearances or encounters with them.

Signs and dream images convey stable forms of creative thinking and behavioral models of cultural agents, and in the cultural aspect most adequately – and as widely as possible – cover and mirror the ethno-linguistic picture of the world. Studies of different spheres of traditional folk culture are of great interest.

Keywords: signs, paroemia, Mongols, Kalmyks, animals, birds, insects.

Статья посвящена исследованию примет у монгольских народов. Традиционная народная культура обладает таким важным признаком, как прогностическая функция, которая обычно строится на преднамеренном знании, а также на интерпретации получаемых, помимо воли человека, знаков или явлений, которые требуют толкования. В данной статье рассматриваются прогностическая, интерпретирующая и толковательная функции примет, которые чаще всего бытуют в малых формах и изучение которых находится на стыке таких наук, как этнология, фольклористика, лингвистика и культурология.

Актуальность заключается в том, что исследование примет монгольских народов находится на периферии научных изысканий и ограничено небольшим количеством статей. Приметы, очевидно, являются отголосками древних архаичных представлений об устройстве мира, которые необходимо толковать и интерпретировать в соответствии с представлениями и полученным предыдущим опытом. Поскольку толкований и интерпретаций примет существует большое множество, в данной работе анализируются только те приметы, прогностический характер которых связан с животными, птицами, насекомыми и основывается на их поведении, внешнем виде или встрече с ними.

Прежде всего, необходимо дать определение приметам. Приметы — это паремии, имеющие устойчивые словесные клише. Г. Л. Пермяков отмечает, что основная функция примет заключается в их прогностическом характере [Пермяков 1975: 268]. По форме они близки к пословицам, но отличаются от них тем, что не имеют иносказательного смысла [Шахнович 1984: 37]. Приметы делятся по тематическому принципу на хозяйственные и бытовые, охотничьи, рыболовецкие, земледельческие, скотоводческие, ремесленные, метеорологические, суеверные и естественные, не зависящие и зависящие от волеизъявления человека и пр. [Завьялова 2013: 188–189].

Необходимо выделить некоторые черты примет с языковой точки зрения, которые приводятся в работе Г. Л. Пермякова. Приметы могут быть замкнутыми и незамкнутыми: замкнутые — это паремии, клишированные от начала и до конца; незамкнутые — не полностью клишированные паремии, которые состоят из посто-

янных и переменных частей. И те и другие не допускают расширительного толкования и однозначны, являются аналитическими. Все аналитические изречения по характеристике тематик, в том числе приметы и сны, относятся к однотемным, они однозначны и говорят о чем-то одном, тогда как многотемные могут использоваться и применяться для рассказа о разных вещах [Пермяков 1975: 269].

Кроме того, приметы ситуативны, они не только используются в той или другой ситуации, но и часто сами моделируют такую ситуацию [Пермяков 1975: 268]. Приметы строятся на текущей информации, которую человек толкует или интерпретирует, в соответствии с чем моделирует свое дальнейшее поведение.

В монгольской культуре, как и в большинстве традиционных культур, большое количество примет связано с птицами. Они занимают важное место в религиозно-мифологических представлениях народов мира и часто соотносятся с символами высшего божественного начала. У многих народов бытуют представления о птице как о первопредке, поэтому птицы часто являются племенными и родовыми тотемами [Иванов, Топоров 2008: 838].

У монгольских народов существовал культ почитания птиц семейства соколиных и ястребиных, с которыми многие из них связывали свое происхождение. Обычно в качестве тотема выбирают «хороших» (божьих) птиц (орёл, лебедь, аист, голубь) [Иванов, Топоров 2008: 838], например у рода *бургэд* (монг. *бүргэд* ‘орел, беркут, сокол’). Согласно преданию, старик нашел в гнезде сокола трех мальчиков, потомки которых впоследствии образовали род *бургэд* [Очир 2016: 59]. Наименование рода *шонход* (множественное число от монг. *шонхор* ‘сокол, кречет’) также может происходить от названия тотема или рода занятий предков, которые могли разводить этих хищных птиц [Очир 2016: 259].

К птицам, считающимся «хорошими», калмыки относились с большим почтением и определенным суеверным страхом. Согласно верованиям калмыков, к таким птицам относится лебедь: он считается самой благородной птицей, которую нельзя безнаказанно трогать, на него не разрешается охотиться. На эту птицу могли охотиться только люди высшего сословия, простому же человеку, неблагородного происхождения, для охоты на лебедя предвари-

тельно необходимо было соблюсти ряд правил. В противном случае, согласно древним представлениям, не только с человеком, но и с его семьей могло произойти несчастье. Также калмыкам воспрещалось охотиться на журавлей [Душан 2016: 195–196].

Кроме того, в качестве тотема могут выступать птицы, которые во многих традициях считаются «плохими» [Иванов, Топоров 2008: 838]. Например, среди калмыков имеется род *кереитов* (от калм. *керэ* ‘ворона’), представлявший в прошлом могущественное племя, разгромленное впоследствии Чингис-ханом [Эрдниев 1985: 45]. По мнению большинства ученых, это родовое название восходит к тотему *хэрээ* ‘ворона’, представители которого жили в XI–XII вв. в районе рек Завхан, Орхон и Тола и образовали кереитское княжество. Впоследствии же тотемное название правящего рода превратилось в этноним [Очир 2016: 234–235]. Среди монгольских народов также существует этноним *шаазгай* (монг. *шаазгай* ‘сорока’), восходящий к названию птицы, которая, вероятно, является тотемом данного рода [Очир 2016: 251].

Отношение к птицам, как сказано выше, было разным: так, ойраты выделяли птиц с «хорошей вестью» и птиц-предвестников несчастья, что связано, очевидно, с тем, что птицы считались ретранслятором посланий иного мира в мир человеческий [Эрдэнэболд 2012: 73]. Так, например, филин и сова во многих традициях классифицируются как «плохие птицы», несущие угрозу или несчастья или пророчащие беду [Иванов, Топоров 2008: 838]. Такое отношение к птицам этого семейства отмечается у калмыков России и ойратов Китая, например: *uyulu dūyarhu-yi sonosbal maγu iru-a* ‘если услышал крик совы, это плохая примета’ [ПМА: Надмидцерен 2017]. Стоит отметить, что подобное негативное отношение отмечено в русской культуре к сороке, так же, как и к ворону, сове и филину: «Считалось, что если сорока прокричит на крыше дома, то быть в доме покойнику» [Зиновьева 2012: 85].

Люди с древних времен верили, что птицы обладают пророческим даром и участвуют в судьбах человека, предостерегают его и т. д. [Пропп 2000: 196]. Одним из путей передачи вестей иного мира посредством птиц являются сновидения, и толкование сновидений с их участием имело особое значение. Например, если снится ворона, жди вести; если дятел стучит по дереву, тоже к ве-

сти, а явление во сне ласточки сулило особенно интересное известие. Явление во сне орла предвещало смерть близкого человека» [Эрдэнэболд 2012: 73].

У многих народов носителем новостей является сорока, с которой связано много примет и поверий. Сорока во многих культурах олицетворяет собой ловкость, хитрость, воровство и распространение молвы [Иванов, Топоров 2008: 838]. В русской культуре с сорокой связаны ассоциации, имеющие больше негативный оттенок: так в переносном значении слово *сорока* означает болтливого человека. Чаще всего это связано с женщиной: «болтать как сорока», «любопытный как сорока», а также «сорока-воровка». Последнее сравнение связано с тем, что сороки блестящие предметы несут в свое гнездо [Зиновьева 2012: 83–85]. Бытует мнение, что когда кричит сорока, она предвещает приход гостей: «сорока без причины не стрекочет; сорока гостей накликала; сорока сокочет, гостей пророчит» [Зиновьева 2012: 85].

Подобного рода представления имеются и у монгольских народов: существуют приметы, где стрекот сороки означал весть или скорое прибытие гостя [Эрдэнэболд 2012: 73]. Например: *šaažayai šagšisar šin čimee olž sonosno* ‘если сорока стрекочет, то будут новости’ [ПМА: Иредуй 2016]; *šaažayai šagšibal γayici irne* ‘если сорока стрекочет, то придет гость’ [ПМА: Уйхан 2018].

В китайской культуре крик сороки также, вероятно, ассоциируется с новостями, чаще с положительными, поэтому в китайской культуре сорока приносит людям радость: китайцы считают, что крик сороки — это предвестие грядущих радостных событий [Доннова 2009: 78].

У ойратов Синьцзяна имеются приметы с упоминанием сороки, сулящие негативные последствия, например: *elie-e šayazaγai alabal endel osol tayaralduγu-yin temdeg (šayazaγai alabal sar-a dayan sayin ügei. elie-e alabal egüride ben sayn ügei gedeg)* ‘если убить коршуна или сороку, то непременно будут неудачи и несчастья’ (если убить сороку, то месяц не будет ничего хорошего, коршуна убить — всегда будет плохо) [ПМА: Надмидцерен 2017].

Существуют предостережения и относительно птичьей кладки, так, например: *büsegüi kümen šibaγun öndege abubal keüken ni γarži irekü ügei berke küngilde bolna* ‘если женщина возьмет (за-

берет) птичьи яйца, то не сможет иметь детей, или ей будет тяжело иметь детей' [ПМА: Надмидцерен 2017]; и *keüken šibayun ödö ber naγadbai tügerikü-yin temdeg* 'если дети играют птичьими перьями, значит, они заблудятся' [ПМА: Надмидцерен 2017].

Нельзя трогать журавлиные яйца и птенцов: если дети приносили домой журавлиные яйца, родители обязательно заставляли вернуть их обратно, поскольку у калмыков считалось, что журавли наделены способностью заклинать. Также калмыки были уверены, что заклинания журавлей непременно достигают своей цели [Душан 2016: 196].

Кроме того, птицы считались «хорошими метеорологами», по поведению которых можно было определить изменения погоды, например, приближение дождя, снега, наводнений, бурана, пурги и прочих атмосферных изменений и стихийных бедствий. У многих народов имеется такая примета: если ласточки низко летают, скоро будет дождь. В примете сообщается об изменении поведения ласточек перед наступлением дождя [Пермяков 1975: 270]. Данная примета имеет монгольский эквивалент: *xariyacaï dooγur nisbel xur-a orno* 'если ласточка летает низко, будет дождь' [ПМА: Уйхан 2018].

Самыми многочисленными и распространенными являются метеорологические приметы, основанные на многовековом опыте наблюдений за природными изменениями, поведением птиц, животных и насекомых. Наиболее достоверными являются наблюдения, отмеченные у многих народов. Это явления неживой природы, например: *odo arbin bol margašiyin tenger sayin bolhu* 'звезд много — завтра погода будет хорошей' [ПМА: Иредуй 2016]; или метеорологическая примета: *γaraha nara / šingehü nara ulayabal / tenger γangna* 'если на восходе / закате солнце краснеет, то будет засуха' [ПМА: Иредуй 2016].

Также можно привести суеверные приметы, которые нельзя объяснить очевидными фактами, например: *habur-un aγur-un edör mal usulažu bolhu ügei, habur-un aγur-un edör tunggulagu sayihan bol. tüimen bodis amilna* 'если в день весеннего равноденствия не поить скотину, то день весеннего равноденствия будет ясным. Десять тысяч живых существ оживет' [ПМА: Иредуй 2016]; или *zun aγur-un edür boroγan dusulbal modon toloyoi šitan-a* 'если в день лет-

него солнцестояния пойдет дождь, макушки деревьев сгорят (завянут)’ [ПМА: Иредуй 2016].

Примета может отражать правильные или неправильные наблюдения, поэтому их делят на верные и неверные. Примета считается достоверной, если события или явления коррелируют по времени, предшествуют или повторяются одно за другим, тогда как ложная часто основывается на несуществующих или ирреальных связях [Завьялова 2013: 188–189].

В народном сознании прочно закрепилось мнение, что животные и птицы являются безошибочным индикатором изменения погоды. Например: *ebül caγ bilžuyā nige dōr cūylurbal casu unan-a — tenger maγudaγu* ‘если зимой пташки внизу собираются, пойдет снег и погода испортится’ [ПМА: Иредуй 2016]; *olan nohoi cuglaraγu kelkeldebel salki sigurgan bolhu-yin temdeg* ‘если много собак собирается, то быть пурге’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

Конечно, можно предположить, что поведение животных и птиц не всегда может свидетельствовать об изменении погоды и может заслуживать доверия. Например, *takia nege köl-iyar-yin zogsobal kuiterekü temdeg* ‘если курица стоит на одной ноге, это признак того, что похолодает’ [ПМА: Надмидцерен 2017]; *moγai zam-iyg köndelen γatabal boroyā oron-a* ‘если змея переползет дорогу, будет дождь’ [ПМА: Иредуй 2016]. Или другой пример: по наблюдениям монголов, опережая всех перелетных птиц, прилетает ворона. Если ворона покружится над юртой по кругу солнца, лето будет хорошим [Эрдэнэболд 2012: 73–74].

Мифологические представления монгольских народов часто связывают змею с водным началом: у калмыков ее отождествляют с духом воды, которому приносят жертвоприношение на праздник *усун-аршан* [Басангова 2016: 77].

Нечто подобное отмечается и у монголов, которые также считают змей водными существами [Эрдэнэболд 2012: 60]. Калмыки почтительно относились к змее, считали ее божеством: встреча со змеей считалась хорошим предзнаменованием, способным существенным образом изменить жизнь человека. О таком человеке быстро разлеталась молва, говорили, что в его доме поселится счастье «*киишг*», что он счастливый человек [Басангова 2016: 75].

Буряты также проявляли почтительное отношение к змее: если буряты видели змею, то подносили ей белую пищу, т. е. молочную, демонстрируя таким образом уважительное отношение [Козлова 2015: 291]. Хорошей приметой считались случаи, когда человек видел скопление змей в одном месте в брачный период, что, согласно верованиям, сулило богатство и удачу [Эрдэнэболд 2012: 61].

В свою очередь, отсутствие змей в местах традиционного обитания считалось плохой приметой, и люди специально выезжали на их поиски [Эрдэнэболд 2012: 61]. Интересно отметить примету, встречающуюся у монголов Ордоса: *moγai jixi yawsar yawdal urtudana* ‘если змея ползет извиваясь (не прямо), то дорога удлинится’ [ПМА: Иредуй 2016]. Хорошей считалась следующая примета: *moγoi jügüdlebel sayin ucir dokiylalna* ‘если во сне увидеть змею, это хорошая примета’ [ПМА: Иредуй 2016]. Поскольку одним из путей передачи вестей считаются сновидения, толкованию сновидений всегда придавалось особое значение. Так, например: *moγa ger-tü oroži irebel baayizhin-a* ‘если змея заползет в дом, это к богатству’ [ПМА: Надмидцерен 2017]; *moγai zegüdülebel // emegtei dabhur bolba* ‘если во сне увидеть змею, то жена забеременеет’ [ПМА: Иредуй 2016].

В работах, посвященных приметам, крайне мало внимания уделяется исследованию насекомых, несмотря на то, что в культурах народов мира они занимают важное место. В мифологии и культуре монгольских народов насекомым отводится заметная роль, но не самая главная.

Инсектонимы используются в приметах, чаще в метеорологических. В то время как активность животных и птиц снижалась, поведение насекомых активизировалось. Например, *širgolži telebčileben boroyā oron-a* ‘муравьи собираются — будет дождь’ [Иредуй 2016]; *širgolži yaγarabal xur oron-a* ‘если муравьи торопятся (бегают), будет дождь’ [ПМА: Уйхан 2018].

У ойратов Синьцзяна бытуют приметы: *šimaγul aridbal boroyan orohu-yin temdeg* ‘много комаров — будет дождь’ [ПМА: Надмидцерен 2017]. С изменением погоды в культуре монгольских народов также связано поведение бабочек: *erbexi arbidubal — salxilhu* ‘если много бабочек, то будет ветер’ [ПМА: Иредуй 2016].

С насекомыми связаны не только метеорологические приметы, но довольно часто и прогнозы бытовых и хозяйственных явлений. Например, у ойратов Синьцзяна бытует примета: *čigiy-in ulayan xorxoi-bar nayadabal šigereng bolhu-yin temdeg* ‘если играть с дождевым червем, то часто будешь писаться’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

Важное место в культуре многих народов занимает паук, приметы про которого возникли на основе многолетних наблюдений. Постепенно была установлена определенная связь между поведением арахнидов и дальнейшими событиями в доме. Согласно представлениям многих народов, паук приносит вести. Например, в мордовской мифологии существует примета: паук вниз спускается — к плохой вести, вверх — к хорошей. Также есть поверье: если в доме много пауков, то дом гостеприимный [Пивкина 2016: 89].

У калмыков бытует представление: когда паук спускается, это означает приход гостя. В свою очередь, по цвету паука можно узнать, какой гость: если это будет желтый паук, то гость будет светлолицый, и, напротив, если темный, значит, смуглолицый [Басангова 2016: 155].

Если гость придет издалека, то и паутина будет длинной. Паука, который спускается, категорически нельзя убивать, нельзя также обрывать паутину, так как паук является проводником, который связывает миры: нижний, средний и верхний [Басангова 2016: 156].

У ойратов Синьцзяна также существует такая примета: *ger-tu ayalza bayazhi irebel žočin irekü-yin temdeg (hulun bayir)* ‘если в доме увидели, (что спускается) паук, придет гость’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

По представлениям калмыков, паук может воплощать душу человека. В случаях, когда видели, как из носа спящего человека выползал паук, полагали, что убийство паука — это большой грех и преступление, так как паук, согласно поверьям, является воплощением души спящего [Душан 2016: 220].

Напротив, у монголов к паукам отрицательное отношение, например: *аалз харвал алж бай, агримба харвал мөргөж бай!* ‘увидишь паука — дави, увидишь монаха — молись’ (паук считается самым несправедливым жалким существом, которое растет за счет поедания матери) [БАМРС 2001: 7].

Не столь категоричное, но подобное отношение отмечено и у ойратов Синьцзяна: *аралжиг алн тоньлhdг, бадрчиг өгн тоньлhdг* ‘от паука избавляются, убив его, от странствующего монаха — подав милостыню’ [ППЗКРОК 2007: 611].

В культуре монгольских народов существует большое количество примет, связанных с домашними животными. Например, интересно отметить монгольскую примету, которая бытует у многих народов: *тиир нйур уйн уйуабал үйисе ирне* ‘если кошка умывает лицо, то придет гость’ [ПМА: Уйхан 2018]. Она также зафиксирована и у калмыков: «Если кошка умывает лицо, то эта примета, что будут гости. Эта примета распространена у многих народов, в том числе и у русских» [Душан 2016: 211–213].

Стоит упомянуть, что у калмыков считается неприятной новостью, если скотина приносит в приплоде двойню. Это относится к лошадям и коровам: их отдают в хурул, а приплод убивают — отдают на съедение собакам или закапывают живьем. В основе ее лежит представление, что двойня у лошади служит признаком того, что животное быстро вырастет, будет обладать твердыми, как железо, и острыми, как бритва, копытами, которые могут нанести вред хозяину. Исключение составляют верблюды, если имеется двойня, то это является самым хорошим предзнаменованием [Душан 2016: 205–207].

Стоит отметить, что у ойратов Синьцзяна, напротив, рождение двойни у коровы считается хорошей приметой: *üker ikir туyullabal ögedelekü-yin temdeg* ‘если корова приносит двойню, это признак улучшения’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

В культуре монгольских народов отмечается положительное отношение к собакам: у ойратов она считается членом семьи, хранителем очага, в празднование Цаган-сара ей готовили специальное угощение, заводили в кибитку и кормили досыта [Эрдэнэболд 2012: 57].

У калмыков существует поверье, что в собак обычно переселяются души безгрешных людей: часто это бывают души близких родственников, которые оберегают и охраняют своих родных. По этой причине убийство собак приравнивалось к убийству людей [Душан 2016: 226–227]. В свою очередь, если собака скулит, часто это является плохим предзнаменованием. Например, *bituu suni*

nohai arwin xuyasar aild muu uċir irne ‘если всю ночь собака долго лает, то в айле будет беда’ [ПМА: Иредуй 2016]; или *nohai uliwal muu irwa* ‘собака скулит к беде’ [ПМА: Иредуй 2016]; когда скулит собака, это может служить предзнаменованием бескормицы: *nohai ügikebel zud bolon-a* ‘если собака воет, будет зуд’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

Представители монгольских народов давно уже обратили внимание на особое поведение, или необычное беспокойство, домашних животных перед землетрясением или другими природными бедствиями. Так, например, у монголов имеется примета: *γahai nohai γasalbal γazar ködelne* ‘если свинья и собака воют, то будет землетрясение’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

Таким образом, приметы отличаются четкой прогностической однозначностью, толкования которых являются позитивными или негативными, хорошими или плохими и т. д. Интерпретация примет в традиции монгольских народов строится на характере поведения животных, птиц и насекомых, которые считаются носителями определенной информации и обладают признаками, которые трактуются как предостережение, совет, в некоторых случаях — запрет или разрешение, позволяющие человеку выработать дальнейшую линию или модель поведения.

Литература

- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. I. М.: Academia, 2001. 485 с. ’
- Басангова 2016 — Басангова Т. Г. Паук в фольклорной традиции калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 154–159.
- Донова 2009 — Донова О. В. Сопоставление символов в культурной семантике фразеологизмов китайского и русского языков // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3 (15). С. 78–82.
- Душан 2016 — Душан У. Д. Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с. (Серия «Manuscriptum Orientalica»).
- Завьялова 2013 — Завьялова Е. Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. 2013. № 2. С. 187–193.
- Зиновьева 2012 — Зиновьева Е. И. Орнитоним сорока в русском языке и культуре: универсальное и национально-специфичное // Мир русского слова. № 4. СПб.: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2012. С. 82–86.

- Иванов, Топоров 2008 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Птицы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2008 (Советская энциклопедия, 1980). С. 837–840. [электронный ресурс] // URL: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008 (дата обращения: 15.11.2018).
- Козлова 2015 — *Козлова Н. К.* Убить змею — душеспасительное ли дело? // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10. С. 287–294.
- Очир 2016 — *Очир А.* Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Пермяков 1975 — *Пермяков Г. Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 247–274.
- Пивкина 2016 — *Пивкина С. В.* Роль насекомых в эрзянской народной традиции // Вестник Марийского университета. 2016. Т. 10. № 2 (22). С. 88–90.
- ППЗКРОК 2007 — Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: Джангар, 2007. 839 с.
- Шахнович 1984 — *Шахнович М. И.* Приметы верные и суеверные: Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия. Л.: Лениздат, 1984. 190 с., ил.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2012. 196 с.
- Эрднеев 1985 — *Эрднеев У. Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. 3-е изд., доп. и перераб. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

References

- Basangova T. G. The spider in the folklore tradition of the Kalmyks. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. Is. 2. Pp. 154–159. (In Russ.)
- Donova O. V. Symbols in cultural semantics of Chinese and Russian phraseologisms: a comparative perspective. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2009. No. 3 (15). Pp. 78–82. (In Russ.)
- Dushan U. D. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2016. 376 p. (Ser. 'Manuscriptum Orientalica'). (In Russ.)
- Erdenebold L. Traditional beliefs of the Oirat Mongols (late 19th – early 20th cc.). Ulan-Ude: Buryat Sc. Center (Sib. Br. of RAS), 2012. 196 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: historical and ethnographic essays. 3rd ed., rev.

- and suppl. Elista: Kalmyk Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)
- Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. I. Moscow: Academia, 2001. 485 p. (In Mong. and Russ.)
- Ivanov V. V., Toporov V. N. The Birds. *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the World: encyclopedia]. Online ed.. Moscow, 2008 (Reprint: Sovetskaya Entsiklopediya, 1980). Pp. 837–840. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 15 November 2018). (In Russ.)
- Kozlova N. K. To kill a snake — whether it a soul-winning business? *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 10. Pp. 287–294. (In Russ.)
- Ochir A. Mongolian ethnonyms: origins and ethnic structures of Mongolic peoples revisited. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2016. 286 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Historical roots of the magic fairy tale. Moscow: Labirint, 2000. 336 p. (In Russ.)
- Permyakov G. L. Structure of the paremiological fund revisited. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 247–274. (In Russ.)
- Pivkina S. V. Role of insects in the Erzya folk tradition. *Vestnik Mariyskogo universiteta*. 2016. Vol. 10. No. 2 (22). Pp. 88–90. (In Russ.)
- Russia's Kalmyks and China's Oirats: proverbs, sayings and riddles. Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Kalm. and Russ.)
- Shakhnovich M. I. Truthful and superstitious beliefs: atheistic essays on folk wisdom and household superstitions. Leningrad: Lenizdat, 1984. 190 p. (In Russ.)
- Zavyalova E. E. Superstitious beliefs as a folklore genre: an experience of systematization. *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvoznaniya*. 2013. No. 2. Pp. 187–193. (In Russ.)
- Zinovieva E. I. The ornithonym 'magpie' in Russian language and culture. *Mir russkogo slova*. No. 4. St. Petersburg: Society of Russian Language and Literature Teachers, 2012. Pp. 82–86. (In Russ.)

Полевые материалы автора

- Ирэдуй, 1992, монгол, ордосец, АРБМ КНР. Зап. 09.06.2016.
- Надмидцерен, 1994, ойрат, торгоут, СУАР КНР. Зап. 20.12.2017.
- Уйхан, 1993, монголка, АРБМ КНР. Зап. 24.03.2018.

Author's Field Materials

- Iradui, b. 1992, Mongol, Ordos, Inner Mongolia Autonomous Region, PRC. Recorded on 9 June 2016.
- Nadmitseren, b. 1994, Oirat, Torg hut, Xinjiang Uighur Autonomous Region, PRC. Recorded on 20 December 2017.
- Wuhan, b. 1993, Mongol, Inner Mongolia Autonomous Region, PRC. Recorded on 24 March 2018.